

— Я хочу разыскать того, кто создаёт Порошок Высшего Блаженства.

— С тех пор как в нашей стране отменили морской запрет, к нам извне проник цветок под названием мак. Порошок Высшего Блаженства — это производное от него. Фанлань имеет прямое сообщение с Западным краем. Несколько лет назад я видел у иноземцев отраву, которую они называли опиумом. У него схожий эффект, но способ очистки иной. Наш порошок обладает куда большей концентрацией, сильнее действует и куда опаснее опиума. А главное... метод его очистки весьма своеобразен.

Вэй Минцзюэ нахмурился:

— Если ты хотел найти истоки этого порошка, мог сказать мне. Зачем же так рисковать собой?

Я внимательно посмотрел на него:

— Ты понимаешь, чем обладают те, кто стоит за этим порошком? Деньгами. Огромными деньгами, которых хватит на возделывание бескрайних маковых полей, создание целой сети мастерских и наём любых специалистов за баснословные суммы. Но это лишь первый шаг. Чтобы распространять порошок и при этом не привлекать внимания властей, нужно уметь и подкупать, и запугивать. Малый ван должен понимать это лучше меня. Более того, — добавил я, — их цель не только чиновники, но и весь мир боевых искусств.

Чу Шэчжи горько усмехнулся. Он лишь хотел помочь другу, который не мог спокойно смотреть, как страдает близкий человек, а в итоге оказался втянут в пучину столь опасных событий. И правда, не повезло:

— Брат Вэй... Глава павильона Вэй обещал, что если я найду тебя, то смогу спасти его, но я и представить не мог, что всё обернётся так...

Вэй Минцзюэ ответил:

— Он искал не Цзюцзяня, а меня. После того как я избежал гибели, я больше не показывался на людях. Видимо, они решили, что только Цзюцзянь знает, где я скрываюсь.

— Господин Чу, по моему скромному разумению, то, что глава павильона Вэй вышел на вас, тоже не случайность. Прошу, будьте осторожны. — Я сложил руки в молитвенном жесте и вздохнул: — Что касается остального, прошу, дайте мне немного времени.

Кстати, забыл упомянуть: вы, должно быть, уже догадались, что я попанец. По правде говоря, само это слово я вспомнил лишь спустя несколько лет жизни здесь. Да, я многое забыл из прошлого: кто я, чем занимался, были ли у меня любимые люди... В голове была лишь пустота. Но я полагаю, что прежде был неплохим мастером — будь то кулинария, работа с деревом или ювелирными украшениями, всё давалось мне легко. Порой я даже учился всему сам. Наверное, даже если бы не стал монахом, нашёл бы способ прокормиться. Но, поразмыслив, я решил, что монашеская жизнь самая спокойная, поэтому и мыслей возвращаться в мир у меня не возникало. Однако жизнь редко идёт по нашему плану: ты жаждешь покоя, а она подкидывает тебе новые заботы.

На самом деле я не особо стремился вернуть память. Если бы я навсегда забыл прошлое, то мог бы спокойно доживать свой век в этом уединённом горном храме, день за днём распевая сутры. Но появление Порошка Высшего Блаженства стало подобно прорыву плотины: как только она открылась, хлынул поток, остановить который невозможно — так же и с моими забытыми воспоминаниями.

Я вспомнил многое, но немало осталось скрыто во тьме. И я знал: то, что я не вспомнил, столь же порочно и греховно. Возможно, небеса дали мне эту жизнь, чтобы я искупил свои грехи. Это моё неписаное предназначение, которое я обязан исполнить.

— Учитель, — я без удивления увидел старого монаха в своей маленькой молельне, — ученик давно вас ждёт.

Старый монах ткнул пальцем мне в гладкий лоб:

— Вставай. Не знаешь, что учителю нужно место уступить?

— ... — я молча поднялся и уступил ему свой коврик. — Учитель, я хочу полежать у вас на коленях.

Теперь настала его очередь терять дар речи:

— Ишь чего захотел. Почему бы тебе сразу не попросить меня тебя поцеловать? — Ворча, он всё же похлопал себя по коленям: — Только ненадолго. Ты уже вырос, мои старые кости долго не выдержат.

— Ученик знал, что учитель согласится. — Я уткнулся лицом в его колени: — Учитель, я так устал.

— В первый же день пострига я сказал тебе забыть прошлое. Если не можешь забыть — естественно, будешь уставать. — Старый монах гладил меня по затылку. Хотя мужчине не пристало гладить голову, он был моим учителем, да и было это приятно, так что я не возражал.

— Учитель, — я закрыл глаза, — если однажды я причиню вред бесчисленному множеству людей, вы сами остановите меня?

— Что ты, — усмехнулся старый монах, — ты же лучший ученик мастера Тяньцзина, имей хоть немного веры в себя.

Я улыбнулся:

— Учитель, вы меня утешаете или хвалите себя? Я серьёзно. Если такой день настанет, я...

— Такого дня не будет. — Рука старого монаха по-прежнему гладила меня с нежностью. —

Цзюцзянь — человек чистейшей души. Что бы ни случилось, я верю в тебя.

— ... — я молча проглотил слова, оставшиеся на языке, и продолжил наслаждаться его заботой.

— Цзюцзянь, у тебя на сердце камень, — произнёс старый монах. — После того как вернулся из странствий, ты сам не свой. Молчишь, прячешь всё, чтобы я не заметил. — Он помолчал и добавил: — Это то, что нельзя не сделать?

Вопрос прозвучал внезапно, но я понял его смысл:

— Нельзя не сделать.

— Это связано с императорским домом?

— Изначально — нет. А коснётся ли позже — не знаю. — Я поднялся и торжественно произнёс: — Если после всего я останусь жив, то обязательно вернусь, чтобы остаться с вами до конца.

— Не нужно, — улыбнулся старый монах. — Когда я принимал тебя в ученики, то знал, что однажды ты уйдёшь. Твоя судьба ждёт тебя в другом месте — не в стенах храма.

Я застыл:

— Учитель... вы прогоняете Цзюцзяня?

— Как можно? — Он протянул руку и смахнул влагу с моего лица, и тут я понял, что всё в слезах. Почему я плачу? Недоумение охватило меня. Неужели это горечь расставания?

Спустя много лет я понял: эти слёзы предрекли финал раньше меня. Это прощание было навсегда.

— Я решил это ещё до того, как пришёл к тебе сегодня вечером. Если бы ты собирался уйти, лишь чтобы найти смерть, я бы запер тебя в Храме Белого Дракона. Но теперь... раз ты хочешь вернуться к учителю, значит, совесть у тебя ещё есть. — Старый монах опустил передо мной на корточки и тщательно вытер мои слёзы — совсем как тогда, когда принимал меня в ученики много лет назад. — Куда бы ты ни отправился, Храм Белого Дракона — твой дом. Место настоятеля всегда будет ждать тебя.

— ... — я глубоко вдохнул, поднялся и снова поклонился: — Ученик Цзюцзянь сегодня прощается с учителем. Когда меня не будет, прошу, берегите себя. И обязательно... обязательно дождитесь моего возвращения!

На следующее утро, ещё до рассвета, Чу Шэчжи вышел из гостевой комнаты, зевая. Он хотел набрать воды из колодца, чтобы умыться, но увидел во дворе фигуру, стоявшую к нему спиной.

Человек, услышав скрип двери, не обернулся:

— Господин Чу, я приготовил завтрак. Поедите — и тронемся в путь.

Чу Шэчжи приподнял бровь, в его глазах блеснул интерес:

— Мы?

— Да, мы. — Я повернулся к нему и слегка улыбнулся. — Колодец во втором дворе слева, за каменной лестницей. Там же горячая вода для паломников, пользуйтесь, чем угодно. Я буду ждать вас в комнате учителя.

Чу Шэчжи замер:

— Откуда ты знал...

— Откуда знал, что господин ищет колодец? — Я указал на свой левый глаз и загадочно улыбнулся.

Чу Шэчжи провёл рукой по глазам и с ужасом обнаружил там засохшую слезинку!

Он быстро стёр её. Не понимая, что с ним происходит — ведь оба мужчины, да и собеседник монах — он почувствовал неловкость:

— ...

Насладившись его замешательством, я сложил руки и слегка поклонился:

— Прошу прощения, я не доглядел. В нашем храме редко останавливаются гости, поэтому я не позаботился о горячей воде в комнатах. Приношу свои извинения.

— Что вы, это я вторгся без спроса, — ответил Чу Шэчжи. Он всё ещё выглядел смущённым, но его природная стать гуляки-романтика уже возвращалась. — Маленький наставник, подождите немного, я скоро буду.

Дорога к центру страны становилась всё оживлённее. Через несколько дней пути мы втроём добрались до небольшого городка, где сняли комнаты. Может, из-за того, что я слишком много думал, в ту ночь мне снова приснился кошмар, который не мучил меня уже давно.

— Это ты! Твои лекарства погубили наши семьи!

— Какое там вынужденное зло, ты просто демон, потворствующий пороку!

— Дай мне... дай мне укол! — Сухая, когтистая рука вцепилась мне в голень, а из-за чёрных гнилых зубов дохнуло невыносимым смрадом. — Быстрее, уколи меня! Уколи!

Во сне юноша пытался назад, пытаясь вырваться из крошечного ада, но со всех сторон к нему тянулись руки, хватая за горло, руки, полы одежды...

И тут он врезался в кого-то.

— Анан, не бойся, — произнёс старый монах, сложив ладони. Юноша, врезавшийся в него, превратился в плачущего маленького монаха. — Всё сущее — лишь плод воображения, всё рождается из причин и условий.

Старый монах заслонил его собой, и золотой свет озарил этот ад. Вопли и крики стихли. Руки, что тянулись отовсюду, всё ещё пытались схватить маленького монаха, но не могли коснуться даже края его одежды.

Старый монах сел в позу лотоса и начал читать сутру:

— Амитабха, молю, освети меня чистым светом, прими в свои объятия. Я сейчас в истинном помысле, взываю к имени Татхагаты...

Маленький монах сидел на земле, глядя, как призраки растворяются в золотом сиянии:

— Они правда могут обрести освобождение?

— Кто они? — закончив чтение, старый монах с любовью погладил его по бритой голове. — Освобождение не могут обрести не они, а ты, Анан.

Я резко сел на кровати в постоялом дворе, подушка была насквозь мокрой от пота.

Передо мной стоял человек в светло-синих одеждах. Я понял, что они синие, а не чёрные, лишь потому, что открылось окно, которое я закрывал перед сном, и лунный свет падал на него, делая тени на лице ещё глубже.

— Анан... маленький наставник, — произнёс он, — в твоём сердце скрыто немало тайн.

— У каждого в сердце есть то, что он скрывает, господин Чу. Как и в вашем сердце есть не только вино и красавицы. — Я вытер слёзы — я был тем, кого называют слезоточивым, стоило подуть ветру, как глаза начинали слезиться против воли. — И ещё: Анан — это моё монашеское имя, так может называть только учитель. Зовите меня Цзюцзянь.

— Я знаком с братом Вэем много лет, — Чу Шэчжи говорил, и от него пахло вином. В постоялом дворе комнаты сняли только мы с Вэй Минцзюэ, а Чу Шэчжи с самого вечера пропадал в борделе. — Но не знаю почему, я доверяю тебе больше, чем ему.

— Потому что людские сердца меняются, и ты сам понимаешь, что он стал другим, — холодно

ответил я. — Господин Чу, вы пьяны.

— Я пьян, но моё сердце — нет. — Чу Шэчжи тяжело опустился на край моей кровати. — Цзюцзянь, можешь сегодня развеять мои сомнения? Малый ван не будет возражать?

— Если он будет возражать, ты уйдёшь? — После кошмара я не мог уснуть. — В детстве, когда мне снились кошмары, учитель рассказывал мне истории. Говори, если не против, что я могу уснуть на полуслове.

<http://bllate.org/book/22245/2325285>